

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

К 700-летию со дня рождения
средневекового татарского поэта

Сейфа Сарай

Выпуск 4

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова
Международная ассоциация исследователей Золотой Орды

Золотоордынское наследие

Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения
средневекового татарского поэта Сейфа Сарай

Выпуск 4

Казань – 2021

Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates
International Association of Researchers of the Golden Horde

Golden Horde Legacy

The collection of articles dedicated to the 700th anniversary
of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai

Issue 4

Kazan – 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)
3-80

*Издание осуществлено в рамках
Республиканского плана основных мероприятий
по проведению в 2021 году в Республике Татарстан
Года родных языков и народного единства*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научный редактор издания
И.М. Миргалеев

Ответственный редактор
Э.Г. Сайфетдинова

Редактор английских текстов
Роман Хаутала

Редакционная коллегия:

Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Х.Ю. Миннегулов, М.Г. Крамаровский,
Э.Г. Сайфетдинова, Роман Хаутала, А.В. Аксанов

3-80 ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай. Выпуск 4. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021. – 340 с., 12 с. ил.

GOLDEN HORDE LEGACY: The collection of articles dedicated to the 700th anniversary of the birth of the medieval Tatar poet, Seif Sarai. Issue 4. – Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2021. – 340 p., 12 p. with illustrations.

ISBN 978-5-94981-361-4

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос.Тат)

© Авторы, 2021
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021

ПРАВОСУДИЕ ДАЛЕКОГО ПОКРОВИТЕЛЯ, ИЛИ КАК ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ БАТУ РЕШАЛ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬДЖУКСКОГО СУЛТАНАТА*

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»*

В статье предпринимается историко-правовой анализ взаимодействия Бату, правителя Улуса Джучи (Золотой Орды), с властями Сельджукского султаната в 1240–1250-х гг. Автор анализирует особенности взаимоотношений золотоордынского правителя с султанами и сановниками государства Сельджуков. Особое внимание уделяется властным полномочиям Бату при решении проблем, которые возникали во внутренней политической жизни султаната и в отношениях его властей с монгольскими правителями Ирана, также претендовавшими на контроль над Сельджуками. Исследование правовых аспектов этих отношений в определенной степени позволяет уточнить некоторые детали статуса самого Бату и особенности выстраивания отношений Монгольской империи с ее вассалами в различных регионах Евразии в рассматриваемый период, т.е. в эпоху окончательного формирования имперской системы управления. Для анализа используются исторические источники – средневековые сочинения тюркских, персидских, сирийских авторов XIII–XIV вв., а также современные исследовательские работы, посвященные истории Сельджукского султаната, в т.ч. в период его пребывания под властью монголов.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), Бату, Монгольская империя, Сельджукский султанат, сюзеренитет и вассалитет, регентство, междоусобица, ярлык, третейский суд

Взаимоотношения золотоордынского правителя Бату с сельджукскими султанами в 1240–1250-е гг. неоднократно привлекали внимание специалистов по истории Сельджукского государства, в особенности тех, кто специально рассматривал его пребывание в вассальной зависимости от Монгольской империи. Однако при этом все исследователи рассматривали эти отношения лишь как эпизод политической истории Сельджукского султаната с его соседями. Так, В.А. Гордлевский, К. Каэн и В.М. Запорожец охарактеризовали отношения золотоордынского правителя с малоазиатскими султанами как краткий эпизод в общей истории государства Сельджуков с XI по начало XIV в. [2; 3; 12]. Для Р.М. Шукурова эти отношения стали иллюстрацией особенностей развития взаимоотношений Византийской империи, Сельджуков и монгольского Ирана [10]. Наиболее подробно отношения Бату с сельджукскими властями освещены в специальных работах по истории султаната именно в монгольский период – в частности, в трудах Ч. Мелвилла и С.Н. Йилдиз [14; 17]. Автор этих строк в свое время также кратко рассмотрел «сельджукскую политику» Бату в рамках посвященного ему биографического исследования [5, с. 146–147, 216–217].

Соответственно, в рамках данного исследования нас привлекла возможность рассмотреть отношения повелителя Золотой Орды с правителями и сановниками Сельджукского султаната именно в историко-правовом и отчасти историко-процессуальном аспекте – насколько нам известно, до сих пор подобного рода исследования не проводились. Такой анализ, как представляется, позволит уточнить не только некоторые особенности отношений Золотой Орды и Сельджуков в 1240–1250-е гг., но и специфику взаимодействия Улуса Джучи с центральными властями Монгольской империи и ее региональной администрацией в Иране, а также детали правового статуса Бату как правителя Золотой Орды и главы рода Чингизидов в рассматриваемый период.

Основными историческими источниками сведений об отношениях являются, в первую очередь, труды турецких авторов XIII–XIV вв. – Ибн Биби [13] и Карим ад-Дина Аксарайи [11, с. 26–36]. Также достаточно подробные сведения по интересующим нас событиям содержат сочинения других вос-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект номер 748715Ф.99.1. ББ97АА00002 «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

точных авторов – сирийского ученого второй половины XIII в. Григория Абу-л-Фараджа (Бар Эбрея) [15, р. 410–422]. Некоторые детали присутствуют в трудах персидских авторов XIII–XIV в. – Рашид ад-Дина [6, с. 120, 124, 151] и Хамдаллаха Мустауфи Казвини [16, р. 109–110]. При этом нельзя не отметить, что сведения этих авторов нередко противоречат друг другу, что, как мы убедимся ниже, привело и к различным трактовкам событий современными исследователями, опиравшимися на их труды, в т.ч. и к вполне явным ошибкам. Тем не менее, как представляется, информация средневековых источников и их интерпретация исследователями дают достаточно материала для раскрытия выбранного нами аспекта и решения поставленных задач.

Причиной того, что именно Бату первоначально стал восприниматься Сельджуками как их сюзерен и покровитель, стали результаты переговоров между правителем Улуса Джучи и послами султана Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II, последовавшие после разгрома сельджукской армии при Кёсёдаге 1243 г. султан признал себя вассалом Бату и получил от него соответствующий ярлык и пайцзу [12, р. 175]. Возникает два вопроса: во-первых, почему послы султана были направлены именно к Бату; во-вторых, почему улусный правитель позволил себе выдать новому вассалу ярлык¹, что являлось исключительной прерогативой верховных правителей Монгольской империи – ханов?

Для ответа на первый вопрос следует вспомнить, что в это время в Монгольской империи наступило междоусобице: хан Угедэй умер в 1241, а его сын и преемник Гуюк занял трон лишь в 1243 г. Соответственно, формальным регентом империи стала Туракина, вдова Угедэя, которая сосредоточилась на сохранении контроля над ханской ставкой и центральными регионами империи, тогда как пограничные регионы и, тем более, соседние государства в сферу ее интересов не входили. Кроме того, Бату являлся самым высокопоставленным из правителей западных владений Монгольской империи, поскольку был членом ханского рода и был наследственным правителем Улуса Джучи, в то время как монгольские военачальники и наместники Ирана являлись всего лишь нойонами, не принадлежали к правящей династии. Неудивительно, что сельджукские власти сочли целесообразным апеллировать к воле наиболее статусного правителя их победителей-монголов. Что же касается права выдавать ярлыки, то поначалу Бату, по-видимому, сам присвоил его себе в связи с тем же междоусобице², однако позднее это право было закреплено за ним официально: после смерти Угедэя и чуть позднее его старшего брата Чагатая (1242 г.) второе поколение Чингизидов сошло с политической сцены, и Бату как глава рода Джучидов, потомков старшей ветви «золотого рода», также стал его официальным главой, что позволило ему занять исключительное место в семейной и имперской иерархии и пользоваться теми же прерогативами, что и ханам, находившимся в Каракоруме [см. подробнее: 5, с. 207–209].

В связи с этим нельзя не отметить весьма сложное положение монгольского наместника в Западном Иране – нойона Байджу. С одной стороны, он формально являлся представителем интересов монгольского хана, с другой – не мог игнорировать статус и полномочия Бату как фактического правителя западной части империи. Уязвимость его позиции заключалась в том, что сам он изначально не был официально утвержден в статусе ханского наместника: таковым был его предшественник Чормагун, назначенный Угедэем, тогда как Байджу лишь принял на себя обязанности правителя монгольского Ирана после болезни и смерти Чормагуна (1242) [14, р. 54]. Однако, как непосредственный участник войны с Сельджуками и победы при Кёсёдаге, он, конечно, не мог не воспринимать их как своих подчиненных.

Как бы то ни было, поначалу никаких проблем в отношениях Сельджукского султаната с монгольскими правителями Золотой Орды и Ирана не возникало. Они начались лишь после смерти султана Кей-Хосрова II (1246), оставившего трех сыновей – одиннадцатилетнего Изз ад-Дина, девятилетнего Рукн ад-Дина и семилетнего Алла ад-Дина. Причем сам султан намеревался сделать преемником именно младшего, однако влиятельные эмиры вполне обоснованно отвергли его кандидатуру [12, р. 175–176]. Влиятельный эмир Шамс ад-Дин Исфакхани, являвшийся в это время везиром, добился возведения на трон старшего султанского сына Изз ад-Дина под именем Кей-Кавуса II, а сам, женившись на его матери, стал фактическим регентом при пасынке, расставив на другие высшие посты своих приверженцев [3, с. 357; 17, р. 199].

¹ В источниках упоминаются именно ярлыки, а не, например, фирманы, как при описании правовых реалий государства ильханов [см.: 7, с. 235–240].

² Подобного рода примеры в монгольской имперской государственной практике нам известны и помимо ситуации с Бату. Так, например, во время следующего междоусобице, когда умер Гуюк (1248) и еще не был избран его преемник Мунке (1251), на регентство претендовала Огул-Гаймиш, вдова Гуюка, а также двое его сыновей – Наху и Ходжа: все трое имели собственные ставки и выдавали ярлыки [6, с. 122].

Следует отметить, что именно он в 1243 г. вел переговоры с Бату о признании сюзеренитета Улуса Джучи и, к тому же, привез богатые дары не только золотоордынскому правителю, но также его женам, высшим сановникам и военачальникам и обязался платить значительную дань. Неудивительно, что Бату числил Шамс ад-Дина своим «агентом влияния» в Сельджукском султанате и по итогам переговоров выдал ярлык не только султану Кей-Хосрову, но и самому Шамс ад-Дину, подтвердив его полномочия как везира [9, с. 25–26; 17, р. 194]. Поэтому воцарения Изз ад-Дина Кей-Кавуса прошло достаточно спокойно, хотя противники везира и пытались выдвинуть в качестве альтернативного претендента на трон одного из его братьев.

Однако следовало утвердить статус нового султана в глазах сюзерена, и Шамс ад-Дин стал готовить поездку своего пасынка к Бату. Однако сам Кей-Кавус не горел желанием покидать свои владения, опасаясь ехать к грозному завоевателю. В результате было принято решение отправить его следующего по старшинству брата Рукн ад-Дина в качестве султанского представителя, и в том же 1246 г. он выехал к Бату [15, р. 410]. Однако поскольку к этому времени состоялось избрание ханом Монгольской империи Гуюка, правитель Золотой Орды совершенно законно отправил ханского брата в Каракорум, где его на церемонии интронизации нового государя встретил среди «десяти сарацинских султанов» Иоанн де Плано Карпини, посол папы римского Иннокентия IV [4, с. 77].

Однако события в Каракоруме стали развиваться не по плану Бату, Шамс ад-Дина и султана Кей-Кавуса II: Гуюк выдал ярлык на султанство самому Рукн ад-Дину [6, р. 124; 15, р. 412]³. Согласно средневековым авторам и современным исследователям, причиной такого решения послужило то, что тот, в отличие от старшего брата, сам явился к ханскому двору, проявив лояльность Монгольской империи [3, с. 358]. Однако подобная причина представляется надуманной: правители вассальных государств нередко направляли своих представителей ко двору и империи, и Улуса Джучи, и это никогда не трактовалось как проявление их нелояльности. Поэтому более обоснованным выглядит мнение исследователей, что Гуюк, принимая такое решение, преследовал цель подорвать позиции Бату в Передней Азии [14, р. 55]⁴. Кроме того, согласно сельджукским источникам, эмир Баха ад-Дин Юсуф, атабек царевича Рукн ад-Дина, сумел внушить хану Гуюку недоверие к везиру Шамс ад-Дину, обвинив последнего в намерении править самовластно, не подчиняясь монголам [12, р. 178; 15, р. 412; 17, р. 206].

В результате в конце 1248 г. Рукн ад-Дин вернулся в Анатолию и вскоре был официально возведен на трон своими сторонниками под именем султана Килич-Арслана IV. Естественно, старший брат и его приверженцы не признали нового государя, в результате чего страна раскололась на две части, каждая из которых поддерживала «своего» султана.

Однако приверженцам Килич-Арслана вскоре удалось нанести его сопернику весьма болезненный удар: в марте 1249 г. они покончили с везиром и фактическим регентом Шамс ад-Дином Исфахани. Сделать это им удалось благодаря тому, что на западных границах султаната начались волнения, и практически все войска, верные Кей-Кавусу и Шамс ад-Дину были брошены на их подавление, включая личную охрану везира [2, с. 154]. В результате, когда эмиссары нового султана явились в резиденцию везира, тот остался без защиты. Примечательно, что он не собирался бежать, несмотря на уговоры своих сторонников: он остался в своем доме, причем надел кафтан, пожалованный ему Бату, когда тот утверждал его в должности везира. Вероятно, Шамс ад-Дин надеялся, что это защитит его от врагов, но был схвачен, подвергнут трехдневным пыткам, а 25 марта 1249 г. обезглавлен [3, с. 358; 17, р. 209].

После этого Баха ад-Дин Юсуф попытался провозгласить себя новым везиром, однако гибель Шамс ад-Дина заставила соратников последнего активизироваться, и соперничество между двумя претендентами на трон перешло в фазу открытого военного противостояния. Однако вскоре сторонам удалось договориться: Джалал ад-Дин Каратай, ближайший соратник и политический преемник убитого везира, предложил компромиссный вариант – признать соправителями всех трех сыновей Кей-Хосрова II. В результате престол и страну разделили Изз ад-Дин Кей-Кавус II, Рукн ад-Дин Килич-

³ К. Каэн полагает, что решение о выдаче ярлыка на султанство Рукн ад-Дину выдал сам Бату, равно как и предписание сместить Шамс ад-Дина с поста везира [12, р. 178]. И хотя последующие исследователи отметили ошибочность его утверждения [17, р. 206], оно лишь подчеркивает значение, которое Бату играл в политической жизни Сельджукского султаната.

⁴ Тем более, что в это же время был назначен и новый наместник монгольских владений в Иране – член ханского рода Эльджигитай, официально представлявший там интересы хана Гуюка и не подчинявшийся Бату [6, с. 120].

Арслан IV и Алла ад-Дин Кей-Кубад II [3, с. 359; 15, р. 413–414; 17, р. 209–211]⁵. Безусловно, это не означало полного прекращения напряженности в государстве Сельджуков, однако на время позволило избежать междоусобной войны.

Как раз в это время, в 1250 г., в Анатолию явилось посольство Бату: воспользовавшись тем, что в Монгольской империи скончался хан Гуюк, и его распоряжения (в т.ч. в отношении султаната) утратили законную силу [см.: 17, р. 212], правитель Улуса Джучи решил напомнить Сельджукам, кто по-прежнему является фактическим сюзереном их государства.

Причин для прибытия золотоордынского посольства было две. Первая была связана с получением вассальной дани. Гораздо больший интерес представляет вторая причина: Бату повелел провести расследование убийства везира Шамс ад-Дина Исфакхани, который, как мы помним, был именно им утвержден в должности и, к тому же, фактически представлял интересы правителя Улуса Джучи в государстве Сельджуков [17, р. 215–216]. Сведения об этом расследовании представляются весьма важными в процессуальном отношении, поскольку оно проводилось в государстве, пусть и находившемся под контролем монголов, но при этом сохранявшем свою автономию.

Соответственно, посланцы Бату, уполномоченные им на проведение расследования, не обладали всей полнотой власти и были вынуждены прибегнуть к содействию местных властей. В результате была образована «совместная следственная комиссия», в которую вошли как представители Улуса Джучи, так и сановники Сельджуков. Возглавил ее также представитель местных властей – эмир Шамс ад-Дин Махмуд ат-Туграи («хранитель печати») [9, с. 26; 17, р. 216].

К сожалению, источники не сохранили подробных сведений о самой процедуре следствия, которые были бы весьма интересны в контексте данного исследования. Известно только, что «следственная комиссия» вовлекла в расследование весьма широкий круг лиц. И хотя непосредственные исполнители убийства – эмиры Баха ад-Дин Юсуф, Карим ад-Дин Альпсары и Фахр ад-Дин Севастос, приближенные султана Килич-Арслана IV, были установлены⁶, под подозрение попал гораздо более широкий круг лиц из числа как возможных виновников убийства, так и сторонников жертвы. Впрочем, опять-таки, источники не дают ответа на вопрос, в каком качестве они были привлечены к следствию – как подозреваемые или только в качестве свидетелей по делу. Всех этих эмиров Шамс ад-Дин ат-Туграи велел взять под стражу и лично повез к Бату на суд [9, с. 26; 10 с. 155; 12, р. 180; 17, р. 216]. Естественно, при этом он не забыл прихватить полагавшуюся дань и богатые дары – самому Бату, членам его семейства, сановникам и военачальникам.

Результаты этого суда из средневековых источников также, увы неизвестны, однако весьма красноречивым представляется результат этой поездки: Бату обласкал главу «следственной комиссии» ат-Туграи и именно ему выдал ярлык на везират в Сельджукском государстве [12, р. 180; 17, р. 217]⁷. В то же время его спутникам (и, соответственно, приверженцам) были выданы аналогичные ярлыки на другие высшие посты в султанате [17, р. 217, 241]: как и в период предыдущего междоусобицы, его предписания официально являлись актами высшей юридической силы в отношении западной части Монгольской империи и подконтрольных вассальных владений.

Новый везир с триумфом вернулся в султанат и попытался вступить в должность. Однако многочисленные эмиры, не поехавшие к Бату и, соответственно, лишившиеся своих постов, позволили себе не согласиться с новыми назначениями: они выступили против ат-Туграи, заявив, что лишь султан Сельджуков имеет право назначать сановников такого уровня. Поскольку именно они контролировали и администрацию, и армию, новоявленному везиру и его спутникам было нечего им противопоставить, кроме ярлыков, выданных далекою джучидским правителем. Шамс ад-Дин ат-Туграи был

⁵ Монеты с именами всех трех султанов чеканились в 1249–1257 гг. [2, с. 39], хотя, как мы увидим ниже, все они одновременно правили далеко не в течение всего этого периода.

⁶ Абу-л-Фарадж утверждает, что эти эмиры лишь передали предписания Гуюка эмиру Каратаю, и именно он не позволил Шамс ад-Дину Исфакхани бежать, тем самым фактически предав его в руки убийц [15, р. 413]. На основании этих сведений К. Каэн идет еще дальше и утверждает, что именно Каратай схватил, пытал и казнил везира [12, р. 178]. Между тем, и источники, и большинство исследователей характеризуют Каратая как соратника и политического преемника Шамс ад-Дина Исфакхани. Кроме того, он не фигурирует среди лиц, отправленных на суд к Бату.

⁷ Сходство имен убитого везира Шамс ад-Дина Исфакхани и эмира Шамс ад-Дина ат-Туграи, расследовавшего его убийство, привело к тому, что В.В. Бартольд объединил этих двух деятелей и, при анализе сведений Аксарайи, с удивлением констатировал, что Ибн Биби ничего не говорит о насильственной смерти... Шамс ад-Дина ат-Туграи [1, с. 232].

схвачен и вынужден отказаться от своих претензий на высший государственный пост. В результате он сохранил жизнь, но добиться везирата ему больше так и не удалось. Фактическую власть в стране захватил вышеупомянутый эмир Каратай, который назначил на высшие посты в государстве (включая и везира) своих верных сторонников, а сам, довольствуясь титулом атабека, оставался фактическим регентом султаната вплоть до своей смерти в 1254 г. [12, р. 180; 17, р. 217].

Как видим, степень признания власти Бату сельджукскими султанами и эмирами порой зависела от того, насколько они соответствовали интересам анатолийской элиты. В результате ему не удалось навязать Сельджукам не слишком влиятельных и популярных эмиров в качестве высших сановников султаната [см. также: 17, р. 237].

Тем не менее, подобная позиция сельджукской знати вовсе не означала, что они отказались признавать Бату своим сюзереном, что и продемонстрировали несколькими годами позже. В 1251 г. новым монгольским ханом был избран Мунке, который, подавив заговор, организованный против него членами семейств Чагатай и Угедэя, расправился и с их сторонником – Эльджигитаем, наместником Ирана. В результате вся полнота власти в Западном Иране и Закавказье вновь перешла к Байджу⁸, который активизировал свои действия и в отношении Сельджукского султаната, обложив его дополнительными налогами – помимо той дани, которая отправлялась Бату.

Именно это стало причиной очередного обращения сельджукских султанов и сановников к своему далекому покровителю, к которому в 1253 г. было направлено посольство во главе с эмиром Фах ад-Дином Абу-л-Хайратом Али с жалобой на то, что Байджу превышает свои полномочия и взимает дополнительные налоги с верных вассалов⁹. По мнению С.Н. Йилдиз, одним из формальных аргументов в рамках этой жалобы могло стать указание на то, что Байджу не признавал и облагал налогами вакфы, хотя их неприкосновенность гарантировали и ханы Монгольской империи, и сам Бату [17, р. 253].

Бату тщательно исследовал ситуацию и принял решение в пользу Сельджуков – есть все основания полагать, что не только в связи с обоснованностью аргументов посольство, но и из желания в очередной раз указать Байджу его место в монгольской имперской иерархии. По крайней мере, наместник Ирана воспринял решение джучидского правителя именно так, и, согласно Ибн Биби, когда сельджукские послы с триумфом возвращались домой через его владения, он сказал им: «Несомненно, мо убыток принесет вам злополучие» [цит. по: 10, с. 156]. Однако привести свою угрозу в исполнение ему удалось лишь после смерти Бату в 1256 г.

В 1254 г. султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II достиг 19-летнего возраста, и это стало основанием для повторного вызова его к сюзерену с целью официального утверждения на троне. Однако, как и в первый раз, он испугался ехать. Во-первых, только что умер его покровитель и фактический регент эмир Каратай. Во-вторых, не пользуясь популярностью среди подданных (поскольку не участвовал в делах управления, предпочитая проводить время в развлечениях), он не без оснований опасался, что если покинет страну, то его владения немедленно захватит его брат-соперник Рукн ад-Дин Килич-Арслан IV. В результате, он вновь отправил в поездку своего представителя – самого младшего из братьев Алла ад-Дина Кей-Кубада II [12, р. 274; 15, р. 422; 17, р. 221–223].

Повторилась та же история, что и в случае с поездкой Рукн ад-Дина в 1246–1249 гг.: первоначально миссия направилась к Бату, который перенаправил ее к хану Мунке, которому предстояло уже от своего имени подтвердить статус и властные полномочия сельджукского султана. Однако результат поездки для главы посольства оказался несколько иным: уже отправив брата в поездку, Кей-Кавус II заподозрил, что он, как и другой брат несколькими годами ранее, захочет получить от сюзерена право на самостоятельное единоличное правление¹⁰, и приказал эмирам, сопровождавшим Кей-Кубада II, отравить его по дороге [3, с. 359; 14, р. 56]¹¹. Согласно одним источникам, он был отправлен на пути туда, по другим – на обратном пути, уже на границе султаната¹². Однако, полагаем, следует отдать предпочтение первой версии: Гильом де Рубрук, посланец французского короля Людови-

⁸ Наместником монгольского Ирана был назначен эмир Аргун-ака [6, с. 140].

⁹ К. Каэн полагает, что посольство отправилось с жалобой не к Бату, а к хану Мунке [12, р. 181–182].

¹⁰ Такое мнение в свое время высказал еще Аксарайи [см.: 17, р. 226].

¹¹ Р.М. Шукуров, ложно истолковав сведения тюркских источников, утверждает, что все три брата в 1254 г. направились к Бату для решения спора о престоле, и по дороге Изз ад-Дин и Рукн ад-Дин убили Алла ад-Дина [10, с. 155–156]. Эта ошибка (как и ряд других) уже отмечалась другими исследователями [см., напр.: 17, р. 239–240].

¹² Хамдаллах Мустауфи Казвини также полагает, что виновником гибели Алла ад-Дина был не Изз ад-Дин, а другой брат – Рукн ад-Дин [16, р. 109–110].

ка IX к хану Мунке, во время своего пребывания в Каракоруме видел «послов турецкого султана», при этом не упоминая среди них представителя правящего рода Сельджуков [8, с. 175]¹³.

Избавившись от одного брата, Изз ад-Дин Кей-Кавус II постарался точно так же решить проблему и со вторым соправителем. Между братьями начались боевые действия, в результате которых Рукн ад-Дин был схвачен и помещен в крепость под стражу [3, с. 359–360; 14, р. 56; 15, р. 422; ср.: 16, р. 110]¹⁴.

Отметим, что Бату в эти события не вмешивался: во-первых, именно Кей-Кавус был тем султаном, которого он в свое время утвердил на престоле, во-вторых, как известно, в последние годы жизни его отношения с Каракорумом осложнились, и ему, скорее всего, было просто не до проблем Сельджукского султаната [см.: 17, р. 192]¹⁵. В результате Изз ад-Дин Кей-Кавус являлся единоличным правителем вплоть до 1256 г., когда умер Бату, и нойон Байджу под предлогом задержки выплаты дани, вторгся в султанат, освободил и вновь возвел на трон Килич-Арслана IV.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что Бату в 1240–1250-е гг. являлся фактическим сюзереном Сельджукского султаната, однако его властные полномочия в отношении этого вассального государства имели свои особенности. С одной стороны, как правитель западного крыла Монгольской империи и глава рода Чингизидов, он имел право выдавать ярлыки об утверждении султанов и высших сановников в их достоинстве, а также, как показал наш анализ, расследовать дела, связанные с преступлениями против лиц, которых он лично облек доверием (как в деле Шамс ад-Дина Исфакхани), либо споры вассальных правителей с другими представителями монгольской администрации (как в деле о превышении Байджу своих полномочий в налоговой сфере).

С другой стороны, пределы его полномочий зависели от того, имелся ли в Каракоруме хан или нет: если трон Монгольской империи был занят, то все назначения, сделанные Бату в вассальном государстве, должны были получить подтверждение из столицы. То же касалось и отношений правителя Улуса Джучи с монгольскими наместниками в Иране: в период междуцарствия они были вынуждены подчиняться ему, тогда как после избрания монгольского хана они вели себя более независимо, апеллируя к воле общемонгольского государя.

Проанализированная ситуация показывает, насколько неоднозначно формировалось управление в различных частях Монгольской империи и в различных вассальных государствах¹⁶, и насколько конкретные отношения зависели от самых различных политических факторов. Впрочем, эта специфика сохранялась лишь в период правления Бату: его преемники в Золотой Орде уже не имели никакой власти над Анатолией, поскольку она перешла в подчинение Хулагу, брата Мунке, и его преемников [10, с. 156; 17, р. 270].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 220–254.
2. Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (Труды Института востоковедения. Т. XXXIX). 200 с.
3. Запорожец В.М. Роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2017. 504 с.
4. Плано Карпини И., де. История монгалов / Пер. А.И. Малеина, вступит. ст., коммент. М.Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 28–85.
5. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2018. 320 с.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

¹³ Исследователи полагают, что Алла ад-Дин умер вскоре после отъезда, и уже к Бату прибыло посольство во главе с эмиром Фахр ад-Дином, а не султаном [17, р. 226].

¹⁴ Рашид ад-Дин ошибочно полагает, что Кей-Кавус II воевал не с Рукн ад-Дином, а с Алла ад-Дином [6, с. 151].

¹⁵ Р.М. Шукуров утверждает, что поражение в борьбе потерпел Кей-Кавус II, который направил послов к Бату, чтобы получить его поддержку [10, с. 156], однако это мнение противоречит сведениям источников.

¹⁶ Например, как хорошо известно, никакие другие монгольские наместники не посягали на власть Бату и его преемников в отношении русских княжеств.

8. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны / Пер. А.И. Малеина, вступит. ст., коммент. М.Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
9. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
10. Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетейя, 2001. 448 с.
11. Aqsarayī, Karīm al-Dīn. Musāmeretü'l-ahbār / Tr. M. Öztürk, Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2000. XX + 282 s.
12. Cahen C. The Formation of the Turkey: The Seljukid Sultanate of Rum: Eleventh to Fourteenth Century / Transl. and ed. by P. M. Holt. Harlow: Pearson Education Ltd., 2001. XVII + 302 p.
13. Ibn Bibi. Seldjouknameh / Anon. abbr., ed. par M.Th. Houtsma // Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1902. 375 p.
14. Melville Ch. Anatolia under the Mongols // The Cambridge History of Turkey. Vol. 1. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / Ed. by K. Fleet. Cambridge University Press, 2009. P. 51–102.
15. The Chronography of Gregory Abu-l-Faraj, 1225–1286, the son of Aaron, the Hebrew physician commonly known as Bar Hebraeus. Beyin the first part pf his political history pf the world / Transl. from Syriac by E.A.W. Budge. Vol. I: English translation. London: Oxford University Press, 1932. XLIII + 582 p.
16. The Ta'rikh-i-Guzida, or "Selected History" of Hamdullah Mustawfi-i-Qazwini, compiled in A.H. 730 (A.D. 1330) and now abridged in English from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) / Transl. by E.G. Brown. P. II, containing the abridged translation and indices. Leyden: E.J. Brill, 1913. XXI + 237 p.
17. Yildiz S.N. Mongol Rule in Thirteenth-Century Seljuk Anatolia: The Politics of Conquest and History Writing, 1243–1282. Vol. 1–2. Ph. D. Diss. Chicago, 2006. XV + 643 p.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; главный научный сотрудник НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: rpochekaev@hse.ru

THE JUSTICE OF A DISTANT PROTECTOR OR HOW THE GOLDEN HORDE RULER, BATU, SOLVED THE PROBLEMS OF THE SELJUK SULTANATE*

R.Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics,
"The Great Altai" Scientific Educational Center of Altaistics and Turcology*

The article contains a historical and legal analysis of interaction between Batu, ruler of the Jochid Ulus (Golden Horde), and authorities of the Seljuk Sultanate in the 1240–1250s. The author examines specific features of relation of the Golden Horde ruler with sultans and high officials of the Seljuk state. The special attention is paid to Batu's activity on solving the problems of Seljuks in their internal policy as well as in relations with Mongol authorities of Iran who also pretended to have a control over this vassal state. The study of legal aspects of these relations allows us to clarify to a certain extent some details of the status of Batu himself and specific features of constructing relation between the Mongol Empire and its vassals in different regions during the examined period, when the imperial administrative system was forming. The author analyzed medieval sources (works of Turkic, Persian, Syrian authors of the thirteenth and fourteenth centuries) and research works of modern scholars on the history of Seljuk Sultanate, especially during the Mongol period.

Keywords: Golden Horde (Ulus of Jochi), Batu, Mongol Empire, Seljuk Sultanate, suzerainty and vassalage, regency, interregnum, yarliq, court of arbitration

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University "Higher School of Economics"; Chief Researcher, "The Great Altai" Scientific Educational Center of Altaistics and Turcology (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: rpochekaev@hse.ru

* The article was prepared within the framework of the state assignment of the Altai State University, project number 748715Ф.99.1. ББ97АА00002 "The Turkic world of the 'Great Altai': unity and diversity in history and modernity".